

ВИТАЛИЙ МУХИН

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

* * *

Пришёл солдат домой с войны,
а дом в сиянье снов и вишен,
в цветенье пёстрой тишины
стоит, высок и неподвижен —
как смысл и дрёма всех дорог,
себя вернувшая потеря...

Придётся ли ты сюда без ног,
иль уцелевшими измеришь
понтонь через две страны,
и срам, и гнев бессильной дрожи,
с виной придёшь ли, без вины —
снуют стрижи, стучат желны:
пришёл, пришёл солдат с войны!
День обещает быть хорошим.

Пришёл солдат, пришёл с войны,
грудь в пятаках парадной меди...
Что, брат, свершились наши сны?
Так что же в дом войти мы медлим?

МУХИН Виталий Олегович родился в 1948 году в Москве. С 1951 по 1962 год жил в Казахстане (Петропавловск, Караганда, Алма-Ата). Первая публикация стихов — в газете «Ленинское знамя» ЛКСМ Казахстана. Член Союза писателей России.

Ночь так темна, что в десяти шагах
сплошной стеной загадочная бездна.
Тугие травы тянутся к ногам,
затишье давит тяжестью железной.
Ночь так темна, что хочется кричать,
авось, хоть чей-то голос отзовется.
Подмокший ельник цапнет сгоряча —
и сердце кувyrкается в колодце.

Колочий лес пронзил тебя насквозь,
он дышит мхом, густым настоем хвои
и фыркает прогалиной, как лось,
и ёжится обманчивым покоем.
Его хребет окутан млечной мглой,
во лбу — звезда, кровь запеклась на лапах.
И он ползёт, змеится над землёй,
как будто вверх, а всё равно на запад.

Плывут стволы, плывёт тяжёлый дым,
скрипят верхи и чавкают корни.
И ты плывёшь, и ты ползёшь по ним —
по мордам луж своим же отраженьем.
Глаза залиты едкою росой,
в глазах — туман, а в горле — листьев шорох.
Ты прорастаешь радостью босой
и буреломом спишь на косогорах.
Ты — как цветы, ты — сгусток белых гроз,
и зов лощин, и сумрачные чащи...

Глухая полночь. Час метаморфоз.
Нечистый дух, ощерившийся ящер.

ВИНА

И в мёрзлом окопе — о ней,
в бреду, под наркозом — о ней.
Зачем же он снова о ней?
Чтоб сердцу стало больней?

Но в том ли её вина,
что ходит с другим она?
Легла меж нами стена,
и эта стена — война.

Эй, друг! Я её вину
тебе под культи швырну.
Как знамя, шумит Восток,
и ты не так одинок.

И в шуме том не слышна
какая-то там вина,
а если кому слышна,
то жизнь, друг, она — одна.

У всех и за всех одна.
Но в том ли её вина?
Спешит за колонной грач,
а ты, брат, поплачь, поплачь...

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

Всё детство моё прошло на колёсах —
платформы, гудки, поезда.
В плацкартных вагонах, а может быть, в общих
мы едем незнамо куда.
И мама моя молода и красива,
с тяжёлою русой косой.
И папа чуть пахнет махоркой и пивом,
как ёжик — небрит и босой.
Я мало что помню, но помню, но помню
безжалостный, подлый свой страх,
когда шёл солдат-инвалид по вагону
с протянутой кепкой в зубах;
весёлого парня с губною гармошкой —
он маму упрашивал спеть
хотя бы куплет, ну, хотя бы немножко
про вольную русскую степь.
И степь начиналась. И лето кончалось.
Спадала к полудню жара.
Эпоха вокзалов державу качала —
наждачные дули ветра.
А навстречь им с песнями, с матом и свистом
несли свою удаль и грусть
крестьяне,
строители,
авантюристы —
плацкартная нищая Русь.
Всё дальше от Бреста, всё ближе к Ишиму
в надежде на хлеб и жильё
летели составы, летели машины,
а с ними и детство моё.
Летело-летело и где-то пропало,
но разве я ведал тогда,
гребни
какого
девятого вала
нас гнали незнамо куда?

* * *

По-августовски свежий и глубокий
лимонный свет стреноженной луны.
Хребты домов и вербы вдоль дороги
густейшей тенью вкось отражены.

В такую ночь собаку тянет в поле.
В такую ночь — предчувствие беды...
Пересчитав штакетники околиц,
луна струит над речкой белый дым.

Стоишь-стоишь и вздрогнешь ненароком,
когда в саду, скатившись по листьям,
опадыш стукнет в корень мокрым боком
и заблестит, похожий на кристалл.

Седая груша оперлась о крышу,
хрустят ежи примятою травой.
А на стекле рушник крестами вышит —
рушник звезды холодной, но живой.